

А. А. Попов, Н. Т. Агунимян, Д. Е. Бочкова
**ГОРОЖАНИН И ПАРК: ПОВСЕДНЕВНЫЕ ПРАКТИКИ
 ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С ПРИРОДОЙ
 НА ПРИМЕРЕ СОВЕТСКОГО ЧЕЛЯБИНСКА***

doi: 10.30759/1728-9718-2024-1(82)-127-135

УДК 712:94(470.5)“1930/1960”

ББК 63.3(235.55)63+85.118.7

Статья посвящена формированию урбанизированных практик в зеленых пространствах на примере советского Челябинска. В 1930–1960-е гг. Челябинск был быстрорастущим индустриальным городом, в котором сохранился большой реликтовый сосновый бор. Для советских управленцев и новых горожан бор стал полигоном освоения новых практик взаимодействия с природой в условиях ускоренной урбанизации, особенно когда в 1930-е гг. часть бора была приспособлена под Парк культуры и отдыха. На основе архивных и публицистических материалов показано, что семантическое и функциональное разграничение парка и бора обусловило формирование двух типов практик взаимодействия горожан с природой. Противопоставляя парк лесу, партийные начальники настаивали на необходимости развития инфраструктуры для культурного, организованного отдыха новых советских граждан, тогда как бор становился пространством не регламентируемого властью взаимодействия с природным миром. В 1960-е гг. в общественном дискурсе произошла трансформация образа бора, который стал восприниматься не диким пригородным лесом, а фрагментом первозданной природы, чудом уцелевшим в индустриальном городе, с Парком культуры и отдыха в качестве «парадного входа». Сделан вывод, что формирование урбанизированных практик взаимодействия с природой шло как по пути «инкультурации» части лесного массива посредством политических действий для организации идеологически одобряемого отдыха новых граждан, так и по пути формирования экологического сознания граждан, в условиях дефицита зеленых пространств в промышленных районах города.

Ключевые слова: *Парк культуры и отдыха, городские практики, советское общество, урбанизация*

Введение

Стремительная урбанизация в Советской России воплощалась в возведении крупных промышленных предприятий, а социалисти-

Попов Алексей Алексеевич — н.с., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (г. Москва)
 E-mail: aa.popov@hse.ru

Агунимян Нелли Тиграновна — заведующая сектором учета, сохранения объектов культурного наследия, материальных объектов, объектов городской скульптуры, Центр историко-культурного наследия г. Челябинска, аспирант Южно-Уральского государственного университета (г. Челябинск)
 E-mail: golubeva_nelly@mail.ru

Бочкова Дарья Евгеньевна — стажер-исследователь, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербургский филиал (г. Санкт-Петербург)
 E-mail: debochkova@gmail.com

* Исследование выполнено в рамках проекта «Индустриальная эволюция лесной отрасли в старопромышленных регионах на примере Урала во второй половине XX в.» конкурса «Зеркальные лаборатории НИУ ВШЭ» 2020–2022 гг. Авторы статьи выражают благодарность коллегам и друзьям по проекту «Зеркальных лабораторий», без чьей помощи и советов данная статья была бы невозможна: Ю. А. Лайтус, С. А. Баканову, Е. А. Кочетковой, П. С. Покидько и Д. Ю. Бабухиной

ческие художники изображали дымящиеся трубы как символ неизбежного прогресса и современности. В то же время природа оставалась участником городской истории, а советский промышленный проект зачастую создавал гибридные формы взаимодействия человека и природы. Дихотомия «промышленность–природа» не означала противостояния, но отражала сложные отношения советского строя и природного мира.¹ До недавнего времени в историографии утверждалось, что абсолютным приоритетом советского индустриального проекта было промышленное строительство.² Однако промышленные города также были объектом озеленения, в том числе в рамках кампаний, организованных властями.

В историографии зеленые городские пространства, чаще всего парки, рассматриваются

¹ См.: Kochetkova E. The Green power of Socialism. Wood, forest, and making of Soviet industrially embedded ecology. Cambridge, 2024; Собисевич А. В., Фокин А. А. «Нам отнюдь не безразлично, в каком виде социализм отвоюет планету у империализма». Формирование социалистической экологии: Между идеологией и практикой // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11, № 3. С. 42–58.

² См.: Радкау Й. Природа и власть. Всемирная история окружающей среды. М., 2014; Brown K. Manual for survival: a Chernobyl guide to the future. New York, 2019; Bruno A. The nature of Soviet power: An Arctic environmental history. Cambridge, 2016.

в контексте проблемы рационального планирования, практик досуга и отдыха населения, а также культурной жизни города. В этом плане феномену городов-садов, как в СССР,³ так и в других странах,⁴ было уделено большое внимание в работах исследователей. В то же время, если история планирования городов-садов и городских парков, а также идеологическое наполнение проектов озеленения городских пространств получили подробное освещение,⁵ то практики взаимодействия жителей с зелеными пространствами в черте промышленных городов, составлявших основу советского индустриального проекта, часто остаются без внимания.

Формирование нового человека совпало с культурной урбанизацией — не просто переселением крестьян в города, но и освоением ими практик городской жизни. Попав в город, крестьяне продолжали воспринимать зеленые насаждения как ресурс для решения повседневных проблем. Во многих промышленных центрах СССР даже в 1975 г. значительная часть экономически активных жителей была горожанами в первом поколении, которые переехали из деревень в конце 1940–1960-х гг. Практики потребительского отношения к зеленым насаждениям (паркам, скверам, городским лесным массивам) при советской влас-

ти сохранялись длительное время, поскольку процессы индустриализации и урбанизации были растянуты на десятилетия.

В фокусе данной статьи находятся практики взаимодействия горожан и зеленых городских пространств на примере Челябинска. Челябинск является типичным примером социалистического города, совершившего скачок от уездного центра к индустриальному мегаполису, «переварившего» сотни тысяч переселенцев и воплощавшего советский проект использования пространства для культурно-идеологического воспитания масс. При этом в границах Челябинска сохранился большой реликтовый бор, часть которого была преобразована в парк, а часть осталась лесным массивом.

Уникальный опыт города позволил нам рассмотреть топографию отношений человека и природы в черте Челябинска. Пространство в данном анализе выступает в качестве наполнения символически освоенного места в городской черте, где взаимодействуют социальные, политические и природные акторы.⁶ В статье показано, что пространство социалистического промышленного города, сохранявшее зеленые точки, выполняло две важные функции. Во-первых, городские властные институты наполняли его «правильными» досуговыми и волонтерскими практиками, участвуя в организации повседневности граждан. Во-вторых, эти практики способствовали формированию экологичного сознания населения, направленного не на потребление природы, но на ее сохранение и поддержание.

Статья основана на материалах партийных отчетов о ведении культурно-просветительской работы в Челябинске в 1930–1960-е гг., сохранившихся в фондах Областного государственного архива Челябинской области. Для оценки общественного мнения были проанализированы публикации газеты «Челябинский рабочий».

Челябинский бор: зеленое пространство большой промышленности

Челябинск расположился на берегах реки Миасс на стыке географических районов — Урала и Западной Сибири. В этом районе островные боры считаются реликтовыми, поскольку «находятся в противоречии с современными природными условиями», подчер-

³ См.: Меерович М. Г. Рождение и смерть города-сада: действующие лица и мотивы убийства // Вестник Евразии. 2007. № 1. С. 118–166. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rozhdenie-i-smert-goroda-sada-deystvuyuschie-litsa-i-motivy-ubiystva> (дата обращения: 01.11.2021); Он же. Градостроительная политика в СССР (1917–1929). От города-сада к ведомственному рабочему поселку. М., 2017; Добренко Е. Сады соцреализма: к культурной топографии сталинской эпохи // Revue des études slaves. 1998. Т. 70, № 4. С. 889–908; Залесов В. Г., Воронина О. С., Кожуркова Т. Б. Город-сад в Томске // Вестник Томского государственного архитектурно-строительного университета. 2015. № 4 (51). С. 22–35; Меерович М. Г. СССР как мегапроект // Советский проект. 1917–1930-е гг.: этапы и механизмы реализации. Екатеринбург, 2018. С. 28–39; и др.

⁴ См.: Adams L. W. Urban wildlife ecology and conservation: A brief history of the discipline // Urban Ecosyst. 2005. Vol. 8. P. 139–156; Conway H. Everyday Landscapes: Public Parks from 1930 to 2000 // Garden History. 2000. Vol. 28, № 1. P. 117–134; Marco A. Urban Green Belts in the Twenty-First Century. London, 2008.

⁵ См.: Шайгарданова Н. Л. Парк культуры и отдыха как явление культуры и воплощение советского идеологического проекта: дис. ... канд. культ. Екатеринбург, 2014; Сальникова А. Здесь будет город-сад! «Культивирование» советского городского провинциального пространства в 1920–1930-е годы // Ab Imperio. 2008. № 4. С. 151–190; Агуньян Н. Т., Гришина Н. В. Центральный парк культуры и отдыха города Челябинска: проект — обсуждение — воплощение (1930-е гг.) // Архив в социуме — социум в архиве: материалы IV Всероссийской научно-практической конференции. Челябинск, 2021. С. 306–309; Воробьева М. В., Рабинович Е. И. Советские парки культуры и отдыха как проект 1930-х гг.: столичные образцы и провинциальные практики // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2022. Т. 28, № 4. С. 131–141.

⁶ См.: Withers C. W. J. Place and the “spatial turn” in geography and in history // Journal of the History of Ideas. 2009. Vol. 70, № 4. P. 637–658.

жены негативному влиянию климатических колебаний⁷ и особенно уязвимы для воздействия антропогенного фактора. Один из таких боров известен в окрестностях города с момента основания.⁸

В начале XX в. город стал заметным торговым и переселенческим центром. С 1736 по 1905 гг. его население выросло с трех до 35 тыс. человек, а уже к 1916 г. достигло 67 тыс.⁹ Несмотря на то что лишь очень небольшая часть деревьев бора подходила для строительства и хозяйственной деятельности,¹⁰ его существование находилось под угрозой. Во второй половине XIX в. лес «состоял из мелкого березняка и осинника», сосновый лес стал, по версии современника, жертвой «весенних палов».¹¹ Лишь к началу XX в., после внедрения систематического государственного надзора и штрафов для нарушителей, сосновый массив восстановился, а бор начал использоваться в качестве пространства рекреации, где жители города устраивали пикники и маевки,¹² а также организовали первые гостиницы.¹³

Бурное индустриальное строительство в 1930–1960-е гг. обеспечило приток новых горожан, недавних жителей деревень. Население города резко выросло с 54 тыс. в 1923 г. до 273 тыс. в 1939 г.¹⁴ В период Великой Отечественной войны эвакуация предприятий и населения, организация на территории области лагерей для спецпереселенцев и строительство новых крупных предприятий (например, Челябинского металлургического завода) также способствовали быстрому росту городского населения. За двадцать лет между переписями 1939 и 1959 гг. городское население выросло в 2,5 раза и достигло 689 тыс. человек, а в 1976 г. Челябинск получил статус «миллионника».¹⁵

⁷ См.: Леса СССР. М., 1969. Т. 4. С. 139.

⁸ Позднее в границы города будет включен и расположенный выше по течению р. Миасс сходный по характеристикам Каштакский бор.

⁹ См.: Алеврас Н. Н. Челябинск в XVIII — начале XX века: социально-демографические процессы // Вестник Челябинского государственного университета. 2000. № 1 (11). С. 35.

¹⁰ См.: Самигулов Г. Х. Из истории Челябинска. Челябинск, 2015. Т. 1. С. 75.

¹¹ См.: Путеводитель «Челябинский городской бор». Челябинск, 2019. С. 14.

¹² См.: Раева Т. В. Досуг горожан Южного Урала в начале XX в. // Традиции и новации в отечественной духовной культуре: сборник материалов второй Южно-Уральской межвузовской научно-практической конференции. Челябинск, 2005. С. 153–158.

¹³ См.: Лютов В. В., Вепрев О. В. Тайны челябинского бора. Екатеринбург, 2019. С. 94.

¹⁴ См.: Численность населения СССР на 17 января 1939 г. М., 1941. С. 120; РГАЭ. Ф. 7971. Оп. 16. Д. 54.

¹⁵ См.: Ботова А. А. Планы перспективного развития Челябинска в 1970-е гг. // Наш край: прошлое, настоящее, буду-

Одновременно властные структуры получили новые возможности для контроля за сохранностью лесного массива и при этом предпринимали попытки утилитарного использования его ресурсов. Так, на территории бора в 1930–1940-е гг. велась промышленная добыча гранита, которая способствовала сокращению лесопокрытой площади. В глубине бора были организованы дома отдыха, а в самом центре лесного массива дачи облисполкома. У границ бора началось строительство Новой городской больницы и кислородной станции.¹⁶ С попытками использовать лесное пространство в промышленных целях связано несколько городских легенд о том, как в позднесталинский период на территории бора предпринимались попытки построить авиационный завод или жилой квартал, но местное руководство смогло отстоять бор. Впрочем, промышленное освоение ресурсов бора всегда носило ограниченный характер. Основанная в 1949 г. у границ бора Мебельная фабрика практически сразу была переориентирована на привозное сырье. Каменные карьеры закрылись из-за нерентабельности, попытки запустить добычу розового гранита в 1950-е гг. ограничились только разведывательными работами. А в 1947 г. было учреждено городское лесничество, что позволило организовать системную работу по восстановлению лесного массива, возвращению утраченных пород (прежде всего лиственницы) и значительно сократить нелегальные рубки.¹⁷

По мере того как Челябинск становился все более промышленным городом, менялись практики взаимодействия горожан с лесом. Процесс сокращения промышленной эксплуатации сначала древесных ресурсов, а затем и ресурсов минеральных, шел параллельно с развитием практик организации досуга в бору. Кроме функции рекреации для пациентов санаториев, отдыхающих партийных работников, рабочих, детей, бор выполнял роль пространства для прогулок и занятий спортом для студентов трех институтов (педагогического, политехнического и механизации сельского хозяйства), с 1930–1940-х гг. расположенных вблизи границ бора. Но сам процесс перехода от утилитарно-бытового отношения к городскому

щее. Материалы XII региональной научной конференции. Челябинск, 2019. С. 159–164.

¹⁶ См.: Лютов В. В., Вепрев О. В. Указ. соч. С. 93.

¹⁷ См.: История лесного хозяйства и лесоводы Челябинской области: в 2 т. Челябинск, 2006. Т. 1. С. 19.

лесному массиву к пониманию его рекреационной и культурной значимости потребовал десятилетий.

Городской парк как пространство организованного досуга

В отличие от леса как естественного природного пространства, парк является пространством организованным человеком, которое предполагает особые урбанизированные формы взаимодействия горожан и окружающей среды. Посещение парка предполагает соблюдение приличий — правил (выбрасывать мусор в отведенных местах, ходить по организованным тропинкам, не шуметь и т. д.) и признания ценными определенных практик (прогулки, созерцание видов, участие в спортивных мероприятиях и т. д.).

В молодом советском обществе зеленые пространства в черте города помимо привычной рекреационной функции были призваны способствовать воспитанию «нового советского человека». В дореволюционной России прогулки в парках были часто доступны для небольшой части горожан из-за административных или культурных ограничений. Революция открыла городские парки для широких масс, которые только начинали осваивать практики взаимодействия с организованными зелеными пространствами, что требовало как значительного расширения площадей парков и скверов, так и государственных мер по распространению урбанизированных практик взаимодействия с природой в границах города. Советское государство предлагало горожанам «использовать часы отдыха для расширения политического и культурного кругозора», а также пропагандировало «идеологически правильные» формы досуга: занятия спортом, проведение массовых мероприятий, шествий, праздников и др.¹⁸ Тем самым формировалось отношение к отдыху «нового человека» как к восстановительному этапу после умственной и физической нагрузки.

Проект челябинского Парка культуры и отдыха (ПКиО) был разработан по заказу Челябинского горисполкома в 1932 г. Ассоциацией новых архитекторов совместно с Проектным бюро первого советского Центрального парка

культуры и отдыха им. М. Горького г. Москвы. Архитекторы М. И. Прохорова и Л. С. Залеская создали масштабный план по превращению северной части Челябинского городского бора в большой парк культуры и отдыха, который должен был стать новым центром притяжения для жителей города.

Однако в условиях форсированной индустриализации найти ресурсы на реализацию этого замысла оказалось чрезвычайно сложно. К 1934 г. была реализована только часть проекта — «микропарк» (как модель большого парка). Впрочем по плану даже под него отводилось 70 га городского соснового бора.¹⁹ Микропарк делился на три основных зоны: «психотехнического воздействия» (выставки, техника, лаборатории, мастерские), «зону эмоционального воздействия» (театр, сеть аттракционов), «зону моторной зарядки» (физкультурные площадки, мероприятия по оборонной пропаганде).²⁰ При проектировании зон парка были привлечены не только архитекторы, но и инженеры, дендрологи, зоолог, а также специалист по оформлению ассортимента насаждений. Проект предполагал, что со временем культурными пространствами будет охвачена и остальная часть бора. Однако вскоре построенный «микропарк» получил статус ПКиО, а незадействованная часть бора осталась в ведении лесничества.

Одной из главных проблем развития Челябинского парка культуры и отдыха с самого начала был недостаток финансирования. Даже проект «микрощарка» не был полностью реализован. В послевоенные годы ситуация была настолько сложной, что городские власти перевели ПКиО на самостоятельный баланс. Это решение должно было освободить руководство парка от «постоянной мелочной заботы» вышестоящих органов,²¹ но фактически к сколь-нибудь заметному улучшению ситуации не привело. Работа парка в этот период поддерживалась силами хозяйственных трестов (трест «Челябгражданстрой», «Трест-22», трест «Стальконструкция»), за которыми был закреплен ремонт или дальнейшее строительство различных участков ПКиО. При этом территория парка составляла больше 60 га, новые участки практически не строились, а ресурсов едва хватало на поддержание существующей инфраструктуры. Руководство парка без ком-

¹⁸ См.: Барышева Е. В. «Фабрика переделки сознания»: символика советских парков культуры и отдыха в репрезентации власти 1920–1930-х гг. // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2: Гуманитарные науки. 2016. Т. 18, № 1 (148). С. 11.

¹⁹ См.: ОГАЧО. Ф. Р-964. Оп. 1. Д. 17. Л. 37.

²⁰ См.: Там же. Л. 38.

²¹ См.: Там же. П-92. Оп. 6. Д. 125. Л. 13.

петентного штата и консультации специалистов по вопросам лесоведения не имело возможности создавать необходимые условия для правильного содержания лесного массива. Более того, на всю огромную территорию парка по штатному расписанию приходилось лишь два охранника.

До середины 1950-х гг. парк был далек от идеализированных представлений о зеленом пространстве, способном менять сознание горожан и формировать «нового человека». Его скромно оборудованная территория представляла собой огороженные северные кварталы бора, в которых были проложены тропинки для прогулок, размещены несколько павильонов и летняя сцена. В июле 1956 г. заведующий отделом пропаганды и агитации РК КПСС А. Перемыкин, прогуливаясь по парку, был настолько возмущен его состоянием, что по итогам написал докладную записку в отдел агитации и пропаганды челябинского Горкома КПСС.²² «Парк — писал Перемыкин, — находится в запущенном состоянии. Руководителей парка должно беспокоить то, что многие сосны сохнут. Следует принять меры по сохранению леса».²³ Другой недовольный — товарищ В. Озирный — в докладной записке секретарю Горкома КПСС акцентировал внимание на низком качестве культурно-развлекательной программы парка: «...в парке все повторяется изо дня в день, становится скучным и обыденным... Посетители говорят, что самым чудным и восхитительным в парке является воздух».²⁴ В глазах чиновников парк оставался прежде всего «окультуренной» частью огромного городского бора, ценность которой обеспечивалась главным образом ресурсами природы, а не культуры.

Трансформация практик взаимодействия с городской природой

Формирование практик взаимодействия с городской природой в Челябинске проходило в двух тесно связанных, но отличающихся в восприятии горожан зеленых пространствах: в основном лесу, а также в парке культуры и отдыха. В парке и лесопарке — двух частях одного, по сути, лесного массива — преобладали разные виды практик, хотя они и не были жестко сегрегированы. Эти практики главным образом были связаны с формами досуга, а не с обеспе-

чением хозяйственных нужд, с удовлетворением которых бор не мог справиться даже в XIX в.

Парк являлся площадкой для организованного государством, идеологически одобряемого досуга жителей, который должен был способствовать воспитанию «советского гражданина». Массовые мероприятия, которые проводились в пространстве парка, были призваны сплотить советское общество, позволяя каждому жителю почувствовать себя частью коллектива. Так, в конце 1950-х гг. руководство ПКиО при планировании лекций и публичных выступлений полагалось на связи с промышленными предприятиями. Совместно с предприятиями оформлялись стенды челябинского тракторного завода, челябинского часового завода. Стенды представляли Челябинск в образе развивающегося промышленного индустриального города и заводы как основу его благополучия. При этом государство не тратило достаточно ресурсов на поддержку парков, несмотря на возрастающую нагрузку на парковые зоны, из-за чего уровень их благоустройства постепенно снижался. Забота о парках (чистка подлеска, посадка новых деревьев, уборка мусора) возлагалась на горожан, что являлось дополнительной нагрузкой вне рабочего времени. Советская модель профилактики правонарушений предполагала, что организованное времяпрепровождение способно снизить уровень преступности среди молодежи, поэтому большая часть мероприятий в парках, скверах, садах была ориентирована на данную группу населения.²⁵

Главным препятствием в формировании практик организованного досуга были инфраструктурные ограничения, поскольку именно инфраструктура обеспечивала возможность проведения организованных форм отдыха. Партийные чиновники были недовольны тем, что на сцене парка порой выступали случайные артисты с сомнительным репертуаром, поскольку не было налажено сотрудничество с городской филармонией. Вплоть до начала 1960-х гг. материальное состояние рекреационной инфраструктуры находилось в неудовлетворительном состоянии. Из уже упоминавшейся записки А. Перемыкина следовало, что в парке практически не было лавочек (если и

²² См.: Там же. Оп. 13. Д. 49. Л. 25.

²³ Там же. Л. 25.

²⁴ Там же. Л. 36.

²⁵ См.: Слезин А. А. Организация досуга детей и молодежи как средство предупреждения правонарушений в начале 1960-х гг. // Genesis: исторические исследования. 2017. № 9. С. 107–117.

были, то представляли собой три узких дощечки), а на малой танцевальной площадке пол прогнил и представлял опасность для посетителей. На страницах газеты «Челябинский рабочий» горожане жаловались на отсутствие на территории парка заведений общепита.²⁶ Челябинский ПККО не справлялся с потребностями посетителей в зимнее время и не мог обеспечить всех желающих лыжами. Кроме того, основная загруженность ПККО приходилась на выходные и праздники,²⁷ тогда как основная масса мероприятий планировалась на будние дни. Разрабатывать на каждую неделю уникальную программу для маленького количества посетителей в будние дни, с точки зрения ограниченного в ресурсах руководства парка, не имело смысла. Только в 1961 г., когда парк получил статус Центрального парка культуры и отдыха им. Ю. А. Гагарина как лучшее городское учреждение культуры, принципиально изменилась ситуация с материальным обеспечением. В связи с новым статусом городской бюджет закупил для парка аттракционы, были построены новые павильоны, организованы встречи сотрудников со специалистами в области лесоведения и цветоводства.

Ключевое отличие парка от бора с точки зрения рекреационных практик заключалось в степени регламентации поведения. Одобряемые властями практики в парке прямо противопоставлялись нерегулируемому поведению в лесу. Например, упрекая руководство парка в недостаточно качественной работе, Перемыкин писал: «...парк — это не пригородный лес и разрешать мять траву, устраивать буфеты прямо между деревьями, располагаться компаниями между деревьями... нельзя».²⁸ Но при этом главной ценностью парка считалась его природная составляющая. Чиновников беспокоило и то, что «неорганизованные массы посетителей» бессознательно вредят городскому бору. С точки зрения городского руководства, причиной вытаптывания лесного покрова было ветхое состояние строений на территории парка, где можно было бы собираться компаниями. То есть распространение деструктивных, девиантных практик, с точки зрения городских властей, сохранялось из-за дефицита ресурсов на развитие инфраструктуры для официально одобряемых практик.

При этом стоит заметить, что чиновники вряд ли одобряли мусор и шумные компании в пригородном лесу, но лес оставался вне зоны их влияния.

Городской бор был пространством индивидуальных практик взаимодействия с природой, свободных от государственной регламентации. Горожане здесь гуляли парами, а также с детьми и собаками, занимались спортом, дышали свежим воздухом вдали от смога промышленных районов. На страницах газеты «Челябинский рабочий» бор рассматривался как уголок живой природы, в котором челябинцы могли побывать, не покидая границ города. В 1967 г. профессор Челябинского педагогического института А. Сысоев описывал бор как пространство отдыха и просвещения. Он призывал выводить на прогулки в бор школьников, чтобы они воочию могли увидеть редкие виды птиц, серые и розовые граниты, эллиптические гранитные грибы и другие уникальные виды растений и животных.²⁹ Бор считался местной достопримечательностью, которую в газетах советовали показывать гостям города в числе первых.

Деструктивные практики отношений с природой сохранялись, но воспринимались властями и общественностью как проблема, которая требует решения. В границах бора продолжалась хозяйственная деятельность, местные жители устраивали локальные свалки, прохожие распивали спиртные напитки, но в общественном сознании бор воспринимался как культурная и природная ценность. Однако это была общая проблема для всех зеленых насаждений, не защищенных статусом парка. Поэтому власти целенаправленно занимались формированием у молодежи представлений о культурной ценности леса и важности бережного отношения к природе. Показателен в этом смысле пример ежегодного «Праздника русской березки»,³⁰ который проводился в сосновом лесу. Однако принципиальным было то, что парк и бор в данном случае олицетворяли природу, выступая в качестве удобной естественной сцены для трансляции одобряемых моделей поведения.

По мере все более широкого распространения городских практик взаимодействия с природой бор становился органичной частью городского пространства, а не просто зеленым

²⁶ См.: Зимним воскресным днем... // Челябинский рабочий. 1961. 28 янв. С. 4.

²⁷ См.: Там же.

²⁸ ОГАЧО. П-92. Оп. 13. Д. 49. Л. 26.

²⁹ См.: Сохраним Челябинский бор // Челябинский рабочий. 1967. 27 авг. С. 2.

³⁰ См.: Евдокимова А. Праздник русской березки // Челябинский рабочий. 1964. 28 июня. С. 4.

массивом у его границ. Генеральный план Челябинска 1967 г. утверждал, что «в архитектурно-планировочную композицию города должны активно включаться бор, водохранилище и река Миасс».³¹ Проектировщики предложили превратить городской бор в лесопарк, аллеи которого соединяли предпарковую площадь с зонами отдыха. Такой подход позволял преодолеть разрыв в восприятии парка и бора, окончательно подтвердив их единство и как природного пространства, и как места ответственных практик взаимодействия с природой.

ПКиО с конца 1960-х гг. выступал не просто местом организованного отдыха, но и «парадным входом» в мир природы. На 1959 г. в Челябинске на одного человека приходилось 5 кв. м зелени вместо 15 кв. м, положенных по градостроительным нормам.³² Городским властям в условиях нехватки финансирования на расширение зеленых насаждений логичным решением проблемы казалось повышение уровня экологической ответственности горожан. С начала 1960-х гг. коллектив парка становится одним из самых активных участников движения по озеленению Челябинска и просветительской работе в области цветоводства, садоводства и лесоводства.³³ На базе ПКиО для посетителей начали проводиться встречи со

специалистами — начальником благоустройства города при Горисполкоме В. М. Смирновым, председателем комиссии по благоустройству и озеленению женсовета Э. Т. Соيفер, инструктором по охране зеленых насаждений и другие. Новая роль ПКиО как центра экологического просвещения и формирования общественного мнения меняла восприятие самого парка. Бор теперь воспринимался не просто как «неокультуренное пространство», но как памятник «первозданной природы», а парк — как промежуточное, переходное пространство между городом и природой.

Таким образом, формирование урбанизированных практик взаимодействия с природой было длительным и сложным процессом. С одной стороны, оно предполагало «инкультурацию» части лесного массива посредством политических действий в рамках идеологической цели организации отдыха новых граждан, а с другой — постепенное формирование экологического сознания граждан в условиях дефицита зеленых пространств в промышленных районах города. Челябинск в этом смысле был примером сочетания индустриального и зеленого пространств, показывающего многосложность советской эпохи в ее балансировании между потребностями промышленности и природой.

Aleksei A. Popov

Researcher, National Research University “Higher School of Economics” (Russia, Moscow)
E-mail: aa.popov@hse.ru

Nelly T. Agunikyan

Head of the Sector for Accounting, Preservation of Cultural Heritage Objects, Material Objects, Urban Sculpture Objects, Center for Historical and Cultural Heritage of Chelyabinsk, Postgraduate student of South Ural State University (Russia, Chelyabinsk)
E-mail: golubeva_nelly@mail.ru

Daria E. Bochkova

Research Intern, National Research University “Higher School of Economics” (Russia, Moscow)
E-mail: debochkova@gmail.com

THE CITIZEN AND THE PARK: EVERYDAY PRACTICES
OF INTERACTION WITH NATURE (THE CASE OF SOVIET CHELYABINSK)

The article considers the formation of urbanized practices in green spaces using the example of soviet Chelyabinsk. In the 1930s–1960s, Chelyabinsk was a fast-growing industrial city, where a large relict pine forest was preserved. For soviet managers and new city dwellers, the forest became a “testing ground” for mastering new practices of interaction with nature in conditions of accelerated urbanization. Especially when in the 1930s a part of the forest was repurposed into the Park of Culture and Recreation. Based on archived and journalistic materials, it is shown that the semantic and

³¹ Челябинск. Градостроительство вчера, сегодня, завтра. Челябинск, 1986. С. 82.

³² См.: Малюгин К. Пусть Челябинск станет городом-садом // Челябинский рабочий. 1959. 20 июня. С. 3.

³³ См.: ОГАЧО. П-1589. Оп. 1. Д. 262. Л. 23.

functional distinction between the park and the forest led to the formation of two types of practices of interaction between city residents and nature. Contrasting the park with the forest, party leaders insisted on the development of infrastructure for the “cultural”, “organized” recreation of new Soviet citizens, while the forest became a space for interaction with the natural world unregulated by the authorities. During the 1960s the forests public image transformed, from a wild suburban forest to a fragment of pristine nature, miraculously surviving in an industrial city, with the Park of Culture and Recreation forming the “grand entrance”. It is concluded that urban practices of interaction with nature developed in two ways. The first is the “acculturation” of the forest area through political actions to establish an ideologically approved recreation for new citizens. The second way was constituted by the formation of citizens’ ecological consciousness in the context of a greenery deficit in the industrial areas of the city.

Keywords: *Parks and Recreation, urban practices, Soviet society, urbanization*

REFERENCES

- Adams L. W. Urban Wildlife Ecology and Conservation: A Brief History of the Discipline. *Urban Ecosystems*, 2005, vol. 8, pp. 139–156. DOI: 10.1007/s11252-005-4377-7 (in English).
- Agunikyan N. T., Grishina N. V. [Central Park of Culture and Recreation of the City of Chelyabinsk: Project — Discussion — Implementation (1930s)]. *Arkhiv v sotsiume — sotsium v arkhive. Materialy chetvertoy Vseros. nauch.-prakt. konf.* [Archive in Society — Society in the Archive. Materials of the Fourth All-Russian Sci. and Practic. Conf.]. Chelyabinsk: S. n., 2021, pp. 306–309. (in Russ.).
- Alevras N. N. [Chelyabinsk in the 18th — early 20th Century: Socio-Demographic Processes]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], 2000, no. 1 (11), pp. 20–35. (in Russ.).
- Barysheva E. V. [“A Factory of Consciousness Alteration”: The Symbolism of Soviet Parks of Recreation and Leisure as Represented by the Authorities between the 1920s and 1930s]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 2. Gumanitarnyye nauki* [Izvestia. Ural Federal University Journal. Series 2. Humanities and Arts], 2016, vol. 18, no. 1 (148), pp. 9–25. DOI: 10.15826/izv2.2016.1.001 (in Russ.).
- Botova A. A. [Plans for the Long-Term Development of Chelyabinsk in the 1970s]. *Nash kray: proshloye, nastoyashcheye, budushcheye. Materialy XII regional'noy nauch. konf.* [Our Land: Past, Present, Future. Materials of the 12th Regional Sci. Conf.]. Chelyabinsk: YuURGPU Publ., 2019, pp. 159–164. (in Russ.).
- Brown K. *Manual for Survival: A Chernobyl Guide to the Future*. New York: W. W. Norton & Company, 2019. (in English).
- Bruno A. *The Nature of Soviet Power: An Arctic Environmental History*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2016. (in English).
- Chelyabinsk. Gradostroitel'stvo vchera, segodnya, zavtra* [Chelyabinsk. Urban Planning Yesterday, Today, Tomorrow]. Chelyabinsk: Yuzhno-ural'skoye kn. izd-vo Publ., 1986. (in Russ.).
- Conway H. Everyday Landscapes: Public Parks from 1930 to 2000. *Garden History*, 2000, vol. 28, no. 1, pp. 117–134. DOI: 10.2307/1587123 (in English).
- Dobrenko E. [Gardens of Socialist Realism: Towards the Cultural Topography of the Stalin Era]. *Revue des Études Slaves*, 1998, vol. 70, no. 4, pp. 889–908. (in Russ.).
- Istoriya lesnogo khozyaystva i lesovody Chelyabinskoy oblasti. V 2 t.* [History of Forestry and Foresters of the Chelyabinsk Region. In 2 vols.]. Chelyabinsk: Kamennyy poyas Publ., 2006, vol. 1. (in Russ.).
- Kochetkova E. *The Green Power of Socialism. Wood, Forest, and Making of Soviet Industrially Embedded Ecology*. Cambridge: MIT Press, 2024. (in English).
- Lesy SSSR. V 5 t.* [Forests of the USSR. In 5 vols.]. Moscow: Nauka Publ., 1969, vol. 4. (in Russ.).
- Lytov V. V., Veprev O. V. *Tayny chelyabinskogo bora* [Secrets of the Chelyabinsk Forest]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoy informatsii Publ., 2019. (in Russ.).
- Marco A. *Urban Green Belts in the Twenty-First Century*. London: Routledge, 2008. DOI: 10.4324/9781315548838 (in English).
- Meerovich M. G. [The Birth and Death of the Garden City: Characters and Motives for Murder]. *Acta Eurasica*, 2007, no. 1, pp. 118–166. (in Russ.).

Meerovich M. G. [USSR as a Megaproject]. *Sovetskiy proyekt. 1917–1930-ye gg.: etapy i mekhanizmy realizatsii* [Soviet Project. 1917–1930s: Stages and Mechanisms of Implementation]. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta Publ., 2018, pp. 28–39. (in Russ.).

Meerovich M. G. *Gradostroitel'naya politika v SSSR (1917–1929). Ot goroda-sada k vedomstvennomu rabochemu poselku* [Urban Planning Policy in the USSR (1917–1929). From a Garden City to a Departmental Workers' Settlement]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye Publ., 2017. (in Russ.).

Radkau J. *Priroda i vlast'. Vsemirnaya istoriya okruzhayushchey sredy* [Nature and Power: A Global History of the Environment]. Moscow: Izd. dom VShE Publ., 2014. (in Russ.).

Raeva T. V. [Leisure of Citizens of the Southern Urals in the Early 20th Century]. *Traditsii i novatsii v otechestvennoy dukhovnoy kul'ture: Sbornik materialov vtoroy Yuzhno-Ural'skoy mezhvuz. nauch.-prakt. konf.* [Traditions and Innovations in Domestic Spiritual Culture: Collection of Materials from the Second South Ural Interuniversity Sci. and Practic. Conf.]. Chelyabinsk: Izd-vo Yuzhno-Ural'skogo gos. un-ta Publ., 2005, pp. 153–158. (in Russ.).

Sal'nikova A. [Here Will Be a Garden-City! Cultivating the Soviet Provincial Urban Space in the 1920–1930s]. *Ab Imperio*, 2008, no. 4, pp. 151–190. (in Russ.).

Samigulov G. Kh. *Iz istorii Chelyabinska* [From the History of Chelyabinsk]. Chelyabinsk: Kamennyy poyas Publ., 2015, vol. 1. (in Russ.).

Shaygardanova N. L. *Park kul'tury i otdykha kak yavleniye kul'tury i voploshcheniye sovetskogo ideologicheskogo proyekta: kand. diss.* [Park of Culture and Recreation as a Cultural Phenomenon and the Embodiment of the Soviet Ideological Project: Diss. Cand.]. Ekaterinburg, 2014. (in Russ.).

Slezin A. A. [Organization of Leisure for Children and Youth as a Means of Crime Prevention in the Early 1960s]. *Genesis: istoricheskiye issledovaniya* [Genesis: Historical Studies], 2017, no. 9, pp. 107–117. DOI: 10.25136/2409-868X.2017.9.24016 (in Russ.).

Sobisevich A. V., Fokin A. A. [“We Do Not Care What Kind of Socialism Will Take the Planet Away from Imperialism”: Formation of Socialist Ecology between Ideology and Practice]. *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of Science and Technology], 2020, vol. 11, no. 3, pp. 42–58. DOI: 10.24411/2079-0910-2020-13003 (in Russ.).

Vorobyova M. V., Rabinovich E. I. [Soviet Recreation Park as a Project of the 1930s: Metropolitan Patterns and Provincial Practices]. *Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Seriya 1: problemy obrazovaniya, nauki i kul'tury* [Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1: Issues in Education, Science and Culture], 2022, vol. 28, no. 4, pp. 131–141. DOI: 10.15826/izv1.2022.28.4.071 (in Russ.).

Withers C. W. J. Place and the “Spatial Turn” in Geography and in History. *Journal of the History of Ideas*, 2009, vol. 70, no. 4, pp. 637–658. DOI: 10.1353/jhi.0.0054 (in English).

Zalesov V. G., Voronina O. S., Kozhurkova T. B. [Garden City in Tomsk]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo arkhitekturno-stroitel'nogo universiteta* [Journal of Construction and Architecture], 2015, no. 4 (51), pp. 22–35. (in Russ.).

Для цитирования: Попов А. А., Агуникян Н. Т., Бочкова Д. Е. Горожанин и парк: повседневные практики взаимодействия с природой на примере советского Челябинска // Уральский исторический вестник. 2024. № 1(82). С. 127–135. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-1(82)-127-135.

For citation: Popov A. A., Agunikyan N. T., Bochkova D. E. The Citizen and the Park: Everyday Practices of Interaction with Nature (The Case of Soviet Chelyabinsk) // Ural Historical Journal, 2024, no. 1(82), pp. 127–135. DOI: 10.30759/1728-9718-2024-1(82)-127-135.